

2018 Январь журнал OPERA

£6.20 January 2018

Opera

Farewell to Dmitri Hvorostovsky
Melofonetica — Italian for singers
Philippe Jordan: Vienna-bound
Anna Bonitatibus in Munich
Callas remastered

STAR OF THE EAST

By the Editor

There have been sad losses in the operatic world since we laid out this month's Obituaries page, and our full tributes to Carol Neblett and Dmitri Hvorostovsky will appear in next month's issue. Hvorostovsky's death on November 22 at the age of 55 after a two-year struggle with brain cancer was inevitably the more headline-grabbing, giving us pause for thought about his place in the modern operatic world, for the Siberian baritone was easily the most prominent of the wave of singers from Eastern Europe and beyond who capitalized on the spirit of perestroika that swept Russia and its satellite states in the late 1980s. With the fall of communism in Eastern Europe, artists from behind the former iron curtain dissatisfied with conditions back home or drawn by the lure of higher earnings flooded west—and just as well, since they also arrived just in time to solve some of our own operatic crises.

Hvorostovsky travelled further than most—indeed from Krasnoyarsk, far beyond the Urals, so he cannot strictly count as East European—and with his silver mane was the most recognizable. His Russian brand of gleeful machismo put him in the vanguard of the so-called barihunks, and his undeniable vanity supplied close observers of his concerts with fairly innocent amusement (that jacket button discreetly undone and redone before and after high notes). More significantly, his win at the 1989 Cardiff Singer of the World competition proved an inspiration to many other young baritones, and though his voice never really lost its youthful lustre it is still exciting to return to his early recordings—made 25 years ago under Semyon Bychkov's baton, his *Yevgeny Onegin* remains surely unsurpassed. He matured in other respects, and I recall him once telling me, 'At first I just wanted to be the best, and expected people to love and cherish me. I was young and stupid.'

Even as a young artist, though, Hvorostovsky was one of those Slavonic singers who changed the casting possibilities of opera houses worldwide at a time when traditional sources of Verdian voices seemed to be drying up. His own approach to Verdi came from the bel canto direction, and he joined the wider East European wave of singers with potential for the big, juicy spinto sound that Verdi requires. In the 1990s, western audiences at last began not just to appreciate more fully the voices of those Slavonic traditions but also to discover a great 'sleeping beauty' of the operatic repertoire that was opened up. To take just one example from Hvorostovsky's repertoire, I don't imagine that anyone had heard better performances of the arias from Rubinstein's *Demon* since the recordings of the legendary Pavel Lisitsian.

Hvorostovsky's career may have been unique, but it also stands as a more general case study of changing international relations within the operatic world. Though he became a cultural icon of the new Russia—whatever his connections may have been with the oligarchy, unlike certain other artists he was not a prominent Putin loyalist—he left Siberia behind and settled in London as soon as he won Cardiff. Thirty years on, and with the so-called United Kingdom in the throes of its National Self-Harm Experiment, one is bound to wonder if it would be so easy now for an artist like him. On the subject of tensions between Russia and the west, even three years ago he told Anna Picard in a *Times* interview, 'All the confidence, the relationships are fading away in front of my eyes. It's a tragedy.' But at least he was one of those artists who seized the moment, and we can certainly be grateful that Hvorostovsky and his East European colleagues more generally have changed the operatic world in a lasting way.

ПЕРЕВОД

Журнал "ОПЕРА" 2018 год, январь

ЗВЕЗДА ВОСТОКА

От редактора

Со времени нашей последней публикации страницы некрологов в прошлом месяце оперный мир понёс большие утраты, и наши материалы, полные даны уважения Кэрол Неблетт* и Дмитрию Хворостовскому, появятся в следующих выпусках. Смерть Хворостовского 22 ноября в возрасте 55 лет после двухлетней борьбы с раком мозга, безусловно, стала более громкой, заставив нас остановиться и задуматься о его месте в современном оперном мире, поскольку сибирский баритон был, несомненно, самым выдающимся из волны певцов из Восточной Европы и за её пределами, которые воспользовались духом перестройки, охватившей Россию и её государства-сателлиты в конце 1980-х годов. С падением коммунизма в Восточной Европе артисты из-за бывшего железного занавеса, неудовлетворённые условиями на родине или привлечённые соблазном более высоких заработков, хлынули на Запад – и это оказалось не так уж плохо, поскольку они прибыли как раз вовремя, чтобы решить некоторые из наших собственных оперных проблем.

Хворостовский прошёл дальше большинства - действительно, Красноярск, далеко за Уралом, поэтому его нельзя строго считать восточноевропейцем, - и с его серебряной гривой был самым узнаваемым. Его российский бренд бьющей через край мужественности поставил его в авангард так называемых бариханков*, а его явное тщеславие доставляло внимательным наблюдателям за его концертами вполне безобидное развлечение (эта пуговица на пиджаке незаметно расстёгивалась и застёгивалась до и после высоких нот). Более значимо, его победа на конкурсе "Певец мира" в Кардиффе 1989 года стала источником вдохновения для многих других молодых баритонов, и хотя его голос никогда по-настоящему не терял своего юношеского блеска, всё ещё интересно возвращаться к его ранним записям, сделанным 25 лет назад под управлением Семёна Бычкова, его Евгений Онегин, безусловно, остаётся непревзойденным. Он повзрослел в других отношениях, и я помню, как однажды он сказал мне: "Сначала я просто хотел быть лучшим и ожидал, что люди будут любить и почитать меня. Я был молод и глуп".

Однако, даже будучи молодым артистом, Хворостовский был одним из тех славянских певцов, которые изменили возможности кастинга в оперных театрах по всему миру в то время, когда традиционные ресурсы вердиевских голосов, казалось, иссякли. Его собственный подход к Верди пришёл из

бельканто, и он присоединился к более широкой восточноевропейской волне певцов с потенциалом для большого, роскошного звука спинто, который требуется Верди. В 1990-е годы западная публика наконец-то начала не просто ещё больше ценить эти славянские голоса, но и узнавать великих "спящих красавиц" из открывшегося оперного репертуара. Если взять только один пример из репертуара Хворостовского, я не думаю, что кто-либо слышал лучшее исполнение арий из "Демона" Рубинштейна со времён записей легендарного Павла Лисициана.

Карьера Хворостовского, возможно, была уникальной, но она также является более общим примером изменения международных отношений в оперном мире. Хотя он стал культурной иконой новой России - какими бы ни были его отношения с олигархией, в отличие от некоторых других артистов, он не был видным сторонником Путина - он уехал из Сибири и поселился в Лондоне, как только выиграл Кардифф. Тридцать лет спустя, когда так называемое Соединённое Королевство находится в агонии своего "Национального Эксперимента По Причинению Себе Вреда", можно задаться вопросом, будет ли теперь так легко для такого художника, как он. Что касается напряжённости в отношениях между Россией и Западом, то ещё три года назад он сказал Анне Пикард в интервью "Таймс": "Вся уверенность, отношения исчезают у меня на глазах. Это трагедия." Но, по крайней мере, он был одним из тех артистов, которые воспользовались моментом, и мы, безусловно, можем быть благодарны Хворостовскому и его восточноевропейским коллегам в целом за то, что они надолго изменили оперный мир.

*Кэрол Неблетт - американская оперная певица, сопрано (1 февраля 1946 – 23 ноября 2017).

*Сайт Varihunks (бариханкс) прославляет подтянутых и вокально одарённых оперных баритонов со всего мира.

Перевод с английского Н.Тимофеевой